

Личность постсоветского человека: роль в трансформационном процессе

В.А.Ядов,
доктор философских наук,
Институт социологии РАН

Россия как трансформирующееся общество: резюме многолетней дискуссии социологов

Десятилетие так называемого переходного периода, запаздывающей модернизации (или модернизации вдогонку) и дискуссии обществоведов вокруг этой "судьбоносной" проблемы¹ дают вполне достаточно оснований, чтобы сделать не-

которые обобщающие теоретико-методологические и практические выводы.

Вывод первый. Каким понятием, какой категорией следует обозначить те социально-экономические и социально-культурные процессы, которые происходят в нашем обществе? Наиболее употребимое понятие — модернизация, т.е. очередной рывок в "современное" и даже постсовременное общество. Между тем многие социальные теоретики нашего времени (см. анализ этой проблемы²) весьма убедительно доказывают, что теории линейного, безвозвратного и прогрессивного развития всех стран и народов по евроцентристской модели опровергаются ходом истории человечества. Аргументы здесь следующие:

а) человеческая история перестала быть естественно-историческим и становится социально-историческим процессом³. Это оз-

¹ Я попытался извлечь "сухой остаток" из материалов дискуссий, проходивших на ежегодных международных симпозиумах в 1992-1998 гг. в Московской высшей школе социальных и экономических наук. Материалы симпозиумов были опубликованы в I—VI выпусках сборника "Куда идет Россия?..", а также в серии выпусков: Обновление России: трудный поиск решений // Исследования и аналитические материалы российского независимого Института социальных и национальных проблем / Под общ. ред. М.К.Горшкова. См.: Социальная модернизация в России: Материалы обсуждения за "круглым столом" в Институте философии // Вестник Российской Академии Наук. 1993. Т. 69. № 3. Ссылки на другие источники даны в тексте.

² *Штомпка П.* Социология социальных изменений. М.: Аспект Пресс, 1996.

³ Там же. С. 290-292.

начает, что в наше время решающую роль приобретают факторы субъектные (включая науку), т.е. способность социальных субъектов (от рядовых граждан до национальных, правительств и международных акторов современной истории) реагировать на внутренние (в рамках данных обществ) и внешние (со стороны миросистемы) вызовы, упреждать или сдерживать нежелательные и опасные тенденции природных, социальных, экономических, политических сдвигов и содействовать желательным. Даже если эти усилия социальных акторов нередко приводят к неожиданным, незапланированным последствиям, которые не перестают быть продуктом их действий;

б) многие страны и регионы (СССР, Япония, Китай, страны Африки и Латинской Америки) осуществляли модернизацию вовсе не тем путем, как это "предписывает" идеальная европейско-американская модель;

в) утрата сущностных свойств общинного *Gemeinschaft* и переход к обществу современного типа *Gesellschaft*, по Теннису, ныне не представляется безусловным благом для человечества. Утрата сущностных свойств общинного устройства (человечность непосредственных взаимосвязей, вера в идеалы, "локальность" и т.д.) воспринимаются ныне в западных обществах как потеря неких непреходящих черт социальности. Этим объясняются такие тенденции, как отказ от концепции "плавильного котла" в США, развитие в европейских странах многообразных форм самоорганизации на уровне соседства (*community*), сохранение и даже возрождение религиозных конфессий, деноминации, фундаменталистских течений, формирование "сетевых структур" в бизнесе, науке и культуре, и, наконец, в Интернет-коммуникациях. Постмодернистская философия — прямая реакция на изменения такого рода;

г) следствием вышесказанного является и то, что в общесоциальных теориях приоритет от структурно-системной и институциональной составляющих начинает переходить к социально-культурным и деятельностно-субъектным. Теоретики макросоциологического деятельностно-активистского направления утверждают концепции "морфогенеза" вместо "морфостаза" (М.Арчер), "структуриации" как непрерывного процесса преобразований социальных структур деятельными субъектами (А.Гидденс), "социального становления" как термина, выражающего состояние "общества в действии" (П.Штомпка). Из сказанного следует, что категории модернизации и переходного периода, переходного общества явно не выражают существа происходящих в России изменений просто потому, что исторический вектор этих преобразований объективно не задан, не предопределен. Наиболее общее адекватное понятие, которое свободно от "векторной нагрузки" — понятие трансформации.

Особенность российского трансформирующегося общества не в том, что оно преобразуется (преобразуется вся миросистема), но

скорее в том, что мы находимся в высокоактивной стадии социальных трансформаций, когда нестабильность трансформируемой социальной системы близка к состоянию "динамического хаоса" (по И.Пригожину). Этим нынешнее российское общество отличается от стабильно трансформирующихся обществ с прогрессирующей экономикой и устойчивой социально-политической системой.

Вывод второй состоит в том, что российское общество принадлежит иной цивилизации, отличной от западноевропейской. По выражению В.Г.Федотовой это "другая Европа"¹.

Тот факт, что анализ социально-трансформационных процессов в разных регионах мира указывает на существенные цивилизационные различия, подтверждает убедительность аргументов в пользу своеобразия российских трансформаций и в историческом прошлом, и в предстоящем будущем... Основные аргументы сводятся к следующим:

а) в России, в отличие от Европы и Северо-Американского континента (США, Канада), не сформировалось гражданское общество, и роль государства остается решающей во всех социальных и экономических преобразованиях. Российские модернизации, начиная с Петра I и кончая перестройкой, были мобилизационными², тогда как западноевропейские стимулировались "из недр" самого общества. Концепция "общественного договора" и функций государства в качестве "медиатора" между различными социальными слоями, регионами, народностями, исполняющего "волю" граждан, не вполне свойственна ни российскому, ни советскому, ни постсоветскому государству.

ЛРоманенко нашла удачный образ, демонстрирующий социокультурные различия западноевропейских цивилизаций и цивилизаций восточного типа³. Устойчивость западных обществ обеспечивается гражданскими структурами, т.е. доминированием горизонтальных социальных взаимосвязей (принцип "волчка" или "жироскопа"). Конфигурация же российского общества пирамидальная, основанная на вертикальных взаимосвязях: властные структуры — граждане (точнее даже — население). Властные структуры, будь то государство, экономические и политические элиты и даже криминальные авторитеты, именно они обеспечивают стабильность системы либо дестабилизируют общество. Трансформации в российском обществе есть результат активности социальных субъектов, акторов исторической драмы, но этими субъектами выступают не "третье сословие", как это было во Франции, не "пионеры", ос-

¹ Федотова В.Г. Модернизация "другой" Европы. М.: ИФ РАН, 1997.

² Наумова Н.Ф. Рецидивирующая модернизация в России: Беда, вина или ресурс человечества. М.: Эдиториал, 1999; Федотова В.Г. Указ. соч.

³ Романенко Л.М. Социальные технологии разрешения конфликтов гражданского общества: Экзистенциальные альтернативы современной России на пороге третьего тысячелетия. М.: ИС РАН, 1998.

ваивавшие Северо-Американский континент, а фигуры императора, вождя, руководящей партии (точнее, ее правящей верхушки), президента и его окружения, и, как мы наблюдаем сегодня, теневых олигархов и авторитетов.

Демократические институты в качестве официального демонстративного оформления имелись и в советский период (лозунг "советская Конституция — самая демократическая Конституция, не только провозглашающая, но реально обеспечивающая права и свободы граждан СССР"). В действующей российской Конституции впервые фиксируются в первой ее статье права человека в качестве приоритета. Следует ли доказывать, что именно понятие прав человека (в отличие от права на защиту интересов национальной или региональной, или корпоративной общности) менее всего воспринято российскими гражданами и властными институциями?

Пирамидальность российской общественной системы — историко-культурное наследие, инерционное влияние которого, весьма вероятно, сохранится и в будущем веке даже если у нас будет складываться так называемый средний класс — опора гражданского общества;

б) убедительной представляется аргументация А-Ахиезера¹ относительно того, что наше общество со времен первого рывка в сторону Запада, остается "расколотым обществом". Противоборство западников и традиционалистов подпитывается из двух источников — образом жизни в крупных городах, в мегаполисах и повседневными практиками "глубинки", мощным слоем российского крестьянства. За модернизационным рывком исторически всегда следовал откат к традиционализму (отсюда и особенности российских модернизаций как "рецидивирующих"). Следом за политико-экономическими элитами, проводящими "прозападные" реформы, к власти приходили умеренные или радикальные традиционалисты. Нынешняя тоска по русской национальной идее и эксплуатация большинством партий и движений (включая КПРФ, казалось бы, партию интернационалистов) концепции национальной самобытности есть вполне закономерная реакция на "шоковый" вариант либеральных реформ. По той же логике "перегиб" в сторону традиционализма (например, усиление влияния православной церкви) не может не вызвать обратной реакции — действий в направлении включения России в мировую цивилизацию и опять-таки противоборство сторонников этого направления со сторонниками "евразийства" России.

Итог такого рода трансформаций — анклавизация, гибридизация, т.е. развитие "форпостов" социального прогресса западноевропейского типа в мегаполисах и примыкающих к ним регионах при

¹ *Ахиезер А.С.* Россия: Некоторые проблемы социокультурной динамики // Мир России. 1995. № 1.

сохранении обширных относительно "застойных" регионов от Калмыкии и Татарстана до исконно русских областей, ныне обозначаемых как регионы "красного пояса".

Вывод третий. Цивилизационная особенность российского общества усугубляется вкладом в нашу историю советского ее периода, главные и наиболее инерционные следы которого, сохраняющие свое влияние — это патерналистские чаяния людей, сила коллективизма (прежде — общинности) и неприятие выраженного индивидуализма, приоритетная ценность социальной справедливости и презрительно завистливое отношение к "новым русским". Вместе с тем вековая история и 70-летие после октября 1917 г. сформировали мощный слой населения, уповающего на судьбу, живущего по принципу "как повезет" и психологически самоопределяющихся в социальном мире по формуле "Я — простой человек", "от меня мало что (ничего не) зависит"¹.

Социологические исследования многих авторов свидетельствуют о том, что нынешние россияне высокоактивны в обустройстве своей собственной жизни, жизни своей семьи и в этом обнаруживают поражающий воображение оптимизм. Но они предельно пессимистичны по части будущего страны и общей ситуации в России.

Наиболее емкое объяснение этого, казалось бы, противоречия состоит в том, что люди не видят для себя возможности контролировать ситуацию за пределами узкого жизненного пространства. Самоидентификации в кругу близких на порядок выше идентификаций с большими социальными общностями². Эта ломка идентичностей — эффект постсоветского периода: резкий переход от идентичности "прежде всего мы — советские люди, что звучит гордо" к самоопределению "мы — это мои близкие, и ни государству, ни другим до нас нет дела". Польский социолог С.Оссовский назвал это "эффектом лилипута". Постсоветское российское общество крайне дезинтегрировано. Всплески интегрирующего патриотизма, како-

¹ Данилова Е.Н. Идентификационные стратегии: Российский выбор // Социологический журнал. 1995. № 6; Козырев Ю.Н., Козырева П.М. Дискурсивность социальных идентичностей // Социологический журнал. 1995. № 2; Советский простой человек: Опыт социального портрета на рубеже 90-х / Под ред. Ю.Левады. М.: Мировой океан, 1993; Ядов В.А. Социальные и социально-психологические механизмы формирования социальной идентичности личности // Мир России. 1995. № 3-4.

² Наше последнее (1998 г.) сравнительное российско-польское исследование формирования социальных идентичностей в двух трансформирующихся странах (руководители Е.Данилова и К.Козела) обнаружило, что поляки в подавляющем своем большинстве в качестве приоритетной идентичности "мы" ощущают себя поляками и католиками; россияне в первую очередь определяют свою "мы"-идентичность как общность повседневного межличностного общения (семья, друзья, товарищи по работе) и лишь существенно "затем" осознают себя россиянами, русскими (еще более редко — православными). См.: Данилова Е.Н. Указ. соч.; Ядов В. А. Социальные и социально-психологические механизмы формирования социальной идентичности личности...

вые мы наблюдаем в последний год, имеют своим источником исключительно внешнюю опасность: Запад (бомбежки Югославии силами НАТО) и чеченские террористы. Внутренние объединяющие общество мобилизационные импульсы к социальным преобразованиям напрочь отсутствуют¹.

Вывод четвертый. Что делать? Дискуссии по этому главному вопросу сводятся к призыву искать свой, собственно российский путь социальных трансформаций. Но в чем именно состоит российский трансформационный синдром, остается спорным.

Наиболее убедительный исторический аргумент в пользу национально-культурного своеобразия трансформаций демонстрируют Япония, тихоокеанские "тигры" и Китай. Япония сделала опорой своего экономического чуда традиционный корпоративизм. Китай осуществляет реформы при сохранении мощной "пирамидальной" основы общественного устройства: руководящая роль компартии и идей "Великого кормчего". Мы разом отбросили и то, и другое: и опору на коллективизм, и опору на сильное государство, т.е. резко копировали западную модель модернизации, основой которой выступало гражданское общество и инновативная самодостаточная личность. Именно этих предпосылок лишена Россия.

Из многолетних дискуссий на судьбоносную тему "Куда идет Россия?", а также исходя из теоретических представлений о "движущих силах" исторического процесса (субъектах этого процесса) и представлений о цивилизационных особенностях российского социального характера и менталитета² можно вывести, по крайней мере, два следствия.

Следствие первое. Российские трансформации могут быть успешными и эффективными при условии высокого авторитета государственных структур. В любом обществе авторитет власти стабилизируют его социальные институты, но в российском обществе при слабости гражданских "горизонтальных взаимосвязей" этот фактор в трансформационных процессах остается решающим.

Случится ли в ближайшем будущем авторитарная власть или же сильное, демократически ориентированное правительство и достойное президентство — это зависит от многих обстоятельств, внутренних и внешних. Но вполне ясно, что без легитимации в массовом сознании властных государственных структур российские трансформации обречены на неэффективность. Понятно, что сильное государство вовсе не синоним власти чиновничества, но,

¹ В книге А. Г. Здравомыслова российские трансформации последнего десятилетия анализируются именно под углом зрения множественности конфликтов, провоцируемых элитами (*Здравомыслов А. Г. Социология российского кризиса.* М., Наука, 1999)

² *Бутенко А. П., Колесниченко Ю. В. Менталитет россиян и евразийство. Их сущность и общественно-политический смысл // Социологические исследования. 1996. № 5.*

напротив — олицетворение власти закона. И только такое государство способно выполнять свою функцию "легитимированного насилия" (М.Вебер)¹.

Следствие второе связано с формированием общества "социальной справедливости". Что это означает, можно обрисовать лишь в общих чертах, главным образом, по принципу "от противного" Очень сомнительно, что западная (протестантская по сути) модель, согласно которой преуспевающий в силу своих талантов и усердия достигает благополучия, уже завтра восторжествует в нашем обществе. Успех и благополучие в наших конструкциях социальной реальности традиционно связываются либо со счастливыми обстоятельствами, либо с попранием нравственных основ. И поэтому удачливый и благополучный должен делиться с менее удачливыми. То, что называют социал-демократической политикой в перераспределении доходов граждан — это, пожалуй, единственно возможный путь российских трансформаций. Даже при низких темпах роста ВВП переход в стабильную фазу социальных преобразований останется, я убежден, единственной альтернативой лишь при условии обеспечения российской модели социально-справедливого общества = взаимопомощи или, точнее, поддержки сильными (гражданами-налогоплательщиками, регионами-донорами) слабых. Реальная проблема — создание экономических и социально-политических условий увеличения доли первых и минимизации вторых. Но при всех обстоятельствах 16-кратный разрыв в доходах, 5% достаточно благополучных и 7% бедных — источник постоянного социального напряжения и дезинтеграции.

Российское общество нуждается в общенациональной солидаризирующей идеологии. Она не может быть придумана и внедрена "сверху": такая идеология "произрастает" сама по себе из доминирующих общественных настроений, из массовой психологии (Плеханов). Из нашей массовой психологии произрастает идея сотрудничества и взаимопомощи. На пороге нового тысячелетия многие из видных социальных теоретиков, принадлежащих западной культуре и "цивилизации индивидуалистов", именно в сотрудничестве стран, социальных групп, сообществ усматривали единственный спасительный и "рациональный" сценарий будущего человечества. Если России предстоит обрести свое достойное место в мировом сообществе, оставаясь собою, то историко-культурные традиции, включая 70-летие советской власти, не дают нам иной идеологической альтернативы, помимо концепции (идеи) справедливого общества.

Нынешняя ситуация очень далека от хотя бы намек на такую перспективу. Значит, все будет зависеть от соотношения сил и влияния социальных субъектов общественного процесса Стратегия

¹ В. Волков вполне справедливо утверждает, что в нынешней России, в ее теневой экономике функция легитимированного насилия переходит к криминальным структурам (Из дискуссии за круглым столом, 1998 г)

"догоняющей модернизации" не может привести к успеху уже потому, что "догоняемый" наращивает свой потенциал, имея для этого достаточно экономических и социокультурных ресурсов. Стратегия трансформаций соответственно российским особенностям может быть более успешной и не исключено, что обретет имманентную инерцию, достаточную для того, чтобы обеспечить устойчивые и контролируемые общественными институтами изменения.

Насколько реальна перспектива устойчивых и благоприятных социальных изменений в России, т.е. социальных трансформаций, опирающихся на динамичную экономику, демократические институты и достаточно интегрированное общество?

Маятниковая модель российских трансформаций предсказывает спустя 5-10 лет новый сдвиг в направлении "включения в мировую цивилизацию", а проще — оживление "прозападных" настроений. Не следует забывать, что к этому времени ценности, разделяемые нынешней молодежью, будут доминировать в массовом сознании¹. Современное молодое поколение, судя по массовым опросам, отличается большей интернальностью (в отличие от экстернальности старших поколений), т.е. опорой на собственные силы, конкурентоспособностью, "инновативностью", демократизмом. Вместе с тем ценности коллективизма и взаимосоотрудничества остаются здесь столь же выраженными, что и у старших.

Стабилизация экономики и ожидаемый экономический рост (оптимизация налоговой системы в первую очередь), усиление роли государственных структур и всей системы правопорядка, что вполне согласуется и с общественными запросами, образом мышления нового поколения россиян, должны создать институциональную опору последующих российских трансформаций.

Интегративные процессы в нашем обществе будут наиболее болезненными, так как им противостоят тенденции дезинтегративные: регионально-анклавные, связанные с разрывом между богатством и бедностью. Преодоление этих дезинтеграционных тенденций возможно лишь путем целенаправленной осознанной и продуманной государственной политики, т.е. своего рода национальной программы развития в направлении "справедливого общества".

Наконец, многое будет зависеть и от изменений в миросистеме: будет ли мировая экономическая система изменяться в направлении взаимосоотрудничества стран и народов перед угрозами природных, политических, социальных и иных рисков или в ней возоб-

¹ Р.Инглехард в панельных исследованиях ценностных структур населения многих европейских стран показал, что в странах, претерпевающих бурные трансформации (послевоенные Германия, Япония, Южная Корея, Испания и др.), системы ценностей поколения 18-24-летних становится доминирующей спустя 15-18 лет. В странах стабильно развивающихся (например, Англия, Франция, США) молодежные бунты 60-х годов не обнаружили таких сдвигов: бунтари стали нормальными обывателями.

ладает диктат стран и финансовых олигархов "ядра" капиталистической миросистемы и ответными или иницилирующими силовыми реакциями стран, не входящих в "ядро".

Слишком много факторов как внутренних, так и внешних не позволяют хоть сколь-нибудь обоснованно прогнозировать будущее¹. Вместе с тем дискуссии российских обществоведов убеждают в том, что мы начинаем понимать Россию умом, сохраняя веру в лучшее будущее.

¹ И.Валлерстайн — один из немногих, кто берет на себя смелость прогнозировать будущее миросистемы и России в этой системе, определяет ее положение как "полупериферийного" общества — государства (см.: *Валлерстайн И.* Россия и капиталистическая мир-экономика // Свободная мысль. 1996. № 5.

² В первой части работы использованы идеи одноименного эссе Т.И.Заславской (рукопись доступна в ксерокопии).